

Чжичжи пролиставала его воспоминания и заметила: «Внук у него был тот ещё мерзавец. Когда тебя схватили, он даже пальцем не пошевелил».

«Я на это не в обиде. У нас с ним нет никаких отношений. В прошлой жизни он меня не предавал, так что разок ему всыплю — и будем чужими людьми». Старого господина Суня даже деду не под силу было вызволить, а после его смерти Сунь Фэй, будучи человеком без влияния и веса, тем более не посмел бы вмешиваться ради своей семьи.

Нин Вэйфэну действительно не на что было роптать. Се Ханьчи, рискуя жизнью, пришёл ему на помощь — это было одолжение, которое он запомнит навсегда и обязательно отплатит. Что же касается Сунь Фэя, тот не помог, и это было его право, ведь он носил фамилию Сунь, и его долг был перед семьёй Сунь, а не перед бывшим женихом, с которым они расстались.

Нин Вэйфэн всегда был прямодушен, чётко разделял добро и зло, умел быть благодарным, но никогда не был святошей.

Что до того, почему Сунь Фэй, в отличие от прошлой жизни, лично явился вручить приглашение, — Нин Вэйфэна это не волновало.

Сунь Фэй, цепляясь за стену, с трудом поднялся на ноги, весь перепачканный и жалкий. Он смотрел, как какой-то другой мужчина обнимает Нин Вэйфэна за плечи, и они скрываются за углом. Неизвестно, сколько он так простоял, пока не подошёл его секретарь: «Шеф, вы же говорили, что через полчаса... Ой, что с вами?» — и принялся отряхивать с него пыль.

Сунь Фэй покачал головой, рассеяно потёр переносицу.

Секретарь Мо нахмурился: «Это Нин Вэйфэн вас так? Мы можем затребовать запись с камер и заявить о нанесении телесных повреждений...»

«Ха... забудь, я ему должен», — усмехнулся Сунь Фэй. К тому же, если разобраться... он, почти достигший 5-го уровня, был избит кем, кто ещё лишь на середенте 4-го, — и об этом стыдно даже рассказывать. В голове у Сунь Фэя всё стоял свирепый облик Нин Вэйфэна, и он облизал разбитую губу.

«Шеф, я же говорил, что сам отнесу, зачем вам было лично...»

Сунь Фэй махнул рукой.

Если честно, раньше Сунь Фэй считал, что он ещё молод, талантлив, будущее полно бесконечных возможностей, так стоит ли заикливаться на «единственном и неповторимом»? Шан Пууй — молод, красив, разбирается в обстановке и умеет быть страстным, в постели особенно «зажигает». Сунь Фэй не видел в своей «измене» большой беды — в конце концов, кто виноват, что Нин Вэйфэн не позволял к себе прикасаться? У мужчин же есть потребности!

Нин Вэйфэн ушел без сожаления, и у Сун Фэя тоже была своя гордость. Он изначально не собирался появляться лично и поручил секретарю отнести приглашение.

Он слишком долго добивался Нин Вэйфэна — так долго, что это породило привычку и лень. О н привык к тому, что Нин Вэйфэн рядом, привык к его мягкой улыбке, привык к его красоте.

Потеряв его, Сунь Фэй почувствовал пустоту, но это не было подобно потере части себя.

Так было до тех пор, пока Сунь Фэй, приглашённый в качестве судьи на соревнования по боевым искусствам южного Китая, не услышал на соседней площадке, где проходили соревнования по танцам для пожилых, имя «Нин Вэйфэн». Кто-то сказал, что он участвовал в постановке одного из танцев. Зрителей собралось много, и этот энергичный, зажигательный танец завоевал первое место... Сун Фэй думал, что ему всё равно, но почему-то его сердце снова забилося чаще.

И только тут, спустя время, о н понял... что всётаки не может отказаться.

А потом, сам н знае зачем, он велел принсти приглашение, под каким-то предлогом сделал большой крук и пришёл сюда, сказав себе «только взгляну ра з», но, взглянув, не смог оторвать взгляда.

Нин Вэйфэн вовсе не был таким угрюмым и подавленным, как говорили друг ие. Он, может, и исхудал и побледнел, но стал ещё утончённее и красивше. Его сияющая улыбка с малышёс клыками была такой чистой и бесхитростной. Да же когда он стоял на сцене и танцевал самый прсотецкий стариковский танец, то выглядел так, словно находился на сцене лучшего международного театра. Его плавные, естетвенные движения, свобода и экспрессия... он излучал неповторимое сияние!

Красота Вэйфэна, его улыбка заставили сердце Сунь Фэя снова биться в бешеном ритме! Он вспомнил свою любовь с первого взгляда, которая родилась, когда Вэйфэн участвовал в международном турнире по KSV — том самом, где его никто не мог затмить, этот ослепительный, яркий свет...

Но теперь вся эта красота расцветала для другого мужчины.

В то мгновение зависть переполнила чашу терпения Сунь Фэя. О н знал, что Вэйфэн не простит его, что не сто ило появляться так внезапно, заставляя всех чюствовать себя неловко, но он всё рав но вышел...

И, как и следовало ожидать, — неож иданно, но в т же время и без со мнений, получил по щам.

Сунь Фэй закры л глаза и улыбнулся...

Перед его взором снова и снова возникало лицо Нин Вэйфэна — ещё красивее, ярче и благороднее, чем прежде. Его сияющий смех, в котором не было ни тени уныния. Его неожиданная свирепость, сорвавшая маску мягкости и обнажившая «клыки»...

Стало ещё побольше... интереснее.

Что же делать?

Не мог бы... ты простить меня хоть единожды?

...

...

Появление Сун Фэя было всего лишь небольшим эпизодом. Как только Нин Вэйфэн завернул за угол, он тут же выбросил его из головы, убрал руку Се Ханьчи со своей талии и, отойдя на достаточное расстояние, сказал: «Спасибо за помощь».

Се Ханчи ни чуть не обиделся и, улыбаясь во весь рот, заметил: «Сяо Вэй, тебе не кажется, что у нас здорово получается работать вместе?»

Нин Вэйфэн был с этим согласен. Стоило ему только подумать, как Се Ханьчи тут же напомнил ему про камеры и специально подыграл, вынудив ревнивого Сун Фэя последовать за ними.

Се Ханьчи сказал: «Я и правда хорошо умею готовить. Я практиковался много лет, только чтобы ты попробовал». Он посмотрел на Нин Вэйфэна с тёплым взглядом и смущённой надеждой и скосинкой у моления. «Дай мне шанс? Просьба — приготовь еду».

Ты узнаешь, насколько это вкусно, и поймёшь, насколько я тебе похожу.

Нин Вэйфэн: ...

Се Ханчи не возвращался ни к сестре, ни к нему — их отношения оставались неопределёнными, ни «домой ко мне», ни «домой к тебе» не подходили. Потому что он снял апартаменты высшего класса с кухней. Так как гостиничный комплекс Циу был популярным туристическим районом, сдаваемые в аренду помещения для туристов были полностью оборудованы кухней, но продукты нужно было покупать самостоятельно. Се Ханьчи открыл наручный коммуникатор и заказал продукты и приправы через Вселенскую сеть. Закончив заказ, он увидел, что Нин Вэйфэн вышел на балкон. Подумав, что тот расстроен, Ханьчи хотел подойти и утешить его, но заметил, что Нин Вэйфэн разговаривает по видеофону.

Услышав слово «дядя», Се Ханчи тут же вышел из комнаты.

«Дядя» Нин Вэйфэна был не простым человеком. В видео действительно появилась фигура, которую можно было бы видеть в вечерних новостях в 7:00 по первому каналу Китая. Се Ханчи поспешно сказал: «Извини, я лучше выйду!»

Нин Вэйфэн не придавал этому значения и, махнув рукой, сказал: «Ничего, мы просто болтаем о семейном». Видя, что Се Ханчи серьёзно ерзает, он сменил тему: «Тогда иди, готовь».

Се Ханчи с уважением вышел с балкона.

И только тогда Нин Вэйфэн, усмехнувшись, посмотрел на своего дядю: «Дядя, вы позвонили так неожиданно, даже не предупредив, что напугали моего друга».

Мо Хуншэн, нынешний глава одного из четырёх кланов в далёкой столице — клана Мо, в обеденное время всё ещё находился в своём кабинете. Увидя Се Ханчи рядом со своим племянником, он с рывком своё суровое выражение лица на более мягкое: «Тантан, твоя мать говорила мне, что познакомила тебя с новым парнем. Это он?»

Нин Вэйфэн утвердительно хмыкнул, не стал вдаваться в подробности своей личной жизни, и сразу же перешёл к делу: «Дядя, у вас возникли проблемы с анализом образца?»

«Его невозможно идентифицировать, но он очень эффективен в борьбе с вирусами и раковыми клетками. Поэтому я предполагаю, что здесь что-то не так... это же просто капуста», — лицо Мо Хуншэна стало серьёзным. Никто не мог обмануть его, мудрого и проницательного лидера.

«Я могу всё объяснить». Нин Вэйфэн не собирался врать родному дяде — ведь тот был его самой большой опорой, но и выкладывать всё начистоту он тоже не планировал. Он шёл с балкона обратно в комнату, остановился под занавеской и достал из кармана только что полученное приглашение. «Уровень духовного искусства повысился», — сказал он, заставив конверт плавно парить в воздухе.

Чжичжи всполошилась: «Ты же хотел вести себя тихо? Ну же тебе не кажется опасным рассказывать об этом посторонним?»

«Дядя не чужой. Он никогда не причинит мне вреда, и всегда защитит. Ты разве не понимаешь выражение «если один цветёт, то и все цветут; если один впадает в немилость, то и все страдают»? Я могу объяснить тебе». Нин Вэйфэн был спокоен.

Чжичжи успокоилась: «Ну и ладно. Дядя тоже очень сильный, жалко, что в том мире его убили — такая смерть позорна».

«В этой жизни я больше никому не позволю трогать мою семью!» — твердо заявил Нин Вэйфэн.

«Ты уверен, что это духовное искусство, а не физическое? Ты прыгнул сразу с второго на пятый»

уровень? Ты проверялся?» — Мо Хуншэн, как всегда, бил точно в цель, ведь Нин Вэйфэн никогда не обладал особым талантом к духовному искусству, но был одарён физически.

Нин Вэйфэн ни чуть не разотёлся и ответил с улыбкой: «Это духовное искусство. Конечно, есть способы быстрого продвижения по ровню, но сейчас мне нужно идти и проверяться».

«Способ»! — это был не вопрос, а требование. Мо Хуншэн без всяких церимоний прямо потребовал ответа.

«Дядя, я в последнее время заинтересовался астрономией...» — Нин Вэйфэн уже не был таким бесхитросным, как раньше. Он тогда, но настойчиво торговался с дядей, играя на знаниях о духовном искусстве, и в конечном итоге, подлившись с его точки зрения, обычной, но на Земле очень ценной методикой упражнения по духовным мускулам, согласившись, что оставит 10 кг белокчанной капусты, которая, хоть и предвиделась засекреченной, явно оказывала положительный эффект на опухоли и другие генетические заболевания, — он наконец-то получил, что хотел.

Закрыв связь, Нин Вэйфэн довольно напев песенку и, включив гоовую панель своего наручного компьютера, запустил программу, которую написал в свободное время, для сверхбыстрого поиска пространственных сигналов. Технология была та, что он изучил в прошлой жизни в одной высокообразованной цивилизации — звёздная информационная инженерия, аппаратная часть — это только что взарафтованный у его дяди сокращённый спутниковый канал китайской космической станции. Формально это было «интересно астрономии», а на самом деле...

Он соскучался по Му Ине.

Но до того, как Звёздный Воин захватит Землю, оставалось ещё 10 месяцев. Это немалодолго.

Нин Вэйфэн искал спутниковый сигнал, исходящий от Галактического Альянса во всём Млечном Пути. Хотя Земля ещё не была членом Альянса и на ней не были установлены ретрансляторы, но кое-какие сигналы всё же приходили из далёких странств, всё равно «прокашивали» спуду. У Земли ещё не было технологий, чтобы их улавливать и расшифровывать, а так же были инфавиты.

Каждый в сети Вселенской Сети публиковался огиински и объёмы новостей и информации. Му Ин уже имела в «Звёздный Воин», и каждое движение привлекло внимание, так что должно было быть найдено хотя бы какую-то информацию о нём.

Однако, поискав какое-то время, Нин Вэйфэн смог уловить только неизвестную скандальную сплетню о каком-то звёздном актёре. Используя межгалактические обозначения, он с трудом смог понять эту дивную, происходившую за десятки тысяч световых лет и длящуюся уже несколько лет, дразнящую разброд. Он невнятно покачал головой, закрыв сверхбыстрым поиском и снял расклёпанный браслет, чтобы тот не взорвался.

Нин Вэйфэн вздохнул. Он понимал, что Вселенная огромна и найти что-то трудно, но всё равно

почувствовал разочарование и растерянность. Машналь, рис палем на сткл балконой двери, он нарисовал портрет Му Ина.

«Ты никак не можешь его забыть. Как только ты о нём думаешь, меня просто затапливает твоим дофамином...» — Чжичжи, изобразив поверхность воды, лениво плыла, шевеля листочками.

Нин Вэйфэн: ...

17. Раскрыты карты. Уход, полный печали

Нин Вэйфэн подождал, пока его «возбуждённое» тело и разум успокоят, а браслет остынет, и только потом открыл инвестиционную площадку. С помощью Чжижи он активировал ещё несколько иронов, чтобы найти предприятия и сферу, которые в вызове несут, после того, как эти инопланетяне в лице Му нахватились Змлю.

Инвестиции, сделанные сейчас, дадут такие дивиденды, что просто уму непостижимо.

Нин Вэйфэн привел в порядок свои активы и сделал инвестиции.

«Эй, всё готово. Иди есть. Я приготовил всё, что ты заказал». — Это было Се Ханчи.

Благодаря тому, что он на учился кулинарному искусству, ловко и быстро приготовил несколько блюд, которых Нин Вэйфэн заказал.

«Ты ещё помнишь? Я ведь тогда так взял и сказал».

«Первая реакция, сказанная вот так, между прочим — и есть и тинное желание сердца». На его зов Нин Вэйфэн приблизился. «Иди, попробуй, понравится тебе или нет. Скажи, если что не так, тогда я смогу исправиться и улучшить».

Путь к сердцу мужчины — через его же ладони. Обычно для гурмана этот приём сработает ещё эффективнее.

Нин Вэйфэн, глядя на вкусняшки, понял, что рано или поздно его предаст увлечённость вкусняшкой, принося к столу и, нетерпеливо откусив, поднимал вверх бланк: «Ах, Ачи, правда отлично».

Се Ханчи мягко улыбнулся: «Если тебе нравится, я буду готовить для тебя всю жизнь».

Нин Вэйфэн не мог ответить на это обещание на «всю жизнь» и заговорил о другом: «Кстати, во что ты сейчас занимаешься?»

«Проверяешь моё имущество?» — в шутку ответил Се Ханчи, открыв панель на ручном браслете и

положив её перед Нин Вэйфэном... — это был содержание его текущей работы и последние проты.

Никакой посадки.

Нин Вэйфэн взглянул на инвестицию Се Ханчи. Выяснилось, что у того был хороший глаз: он уже вложил в два прота, которые должны были стать очень популярными в будущем. И кроме того в той жизни Ючи смог собрать информацию, чтобы помочь Нин Вэйфэну.

Нин Вэйфэн решил подтолкнуть его ещё: нёбш, указав на несколько протов: «У меня есть инсайдерская информация: эти отрасли и несколько компаний с хорошей информацией станут ключевыми объектами поддержки».

Чжижжи сделал жестикуляцию: «Ты пытаешься заработать много денег? Даже если ты и Звездный Воин и прот через десять месяцев, неужели ты так скоро выплываешь? А что отупело?»

Но Се Ханчи, ослеплённый блеском золота, даже не вступил, тотчас хмурил свои красивые черты: «Сяо Вэй, когда Мо с крота на твоём важном месте, ты не ждёшь скрыть любую информацию о нём, даже если это касается меня, — ни в каком случае». Он думал, что информация Нин Вэйфэна пришла и только что о закончившемся зонке Мо Хуншуну.

Сердце Нин Вэйфэна наполнилось трогательной благодарностью. Перед ним стоял действительный протос одиннадцатилетняя женщина. Он улыбнулся: «Не волнуйся, я не ребёнок, чтобы не понимать, что можно говорить, а что нет». Он раскрыл свой компьютер: «Смотри, я тоже только что сделал инвестицию».

Нин Вэйфэн за многие годы участия в турнирах KSV, заработав зарплату, премии, а также доходы от рекламы, накопил немалый капитал.

Се Ханьчи, который как раз занимался инвестициями, видя это, дабы поддразнить улыбку, вложил большинство их в указанные проекты. На самом деле Ханьчи уже давно присматривался к этим компаниям. Однако в Китае, да и во всем мире, хватает отличных компаний и выгодных проектов. Без технических инноваций эти бы и проект бы слишком рискованными и долгими. Слишком рискованные и долгие сроки окупаемости для того, кто хочет быстро скопить капитал на месте.

Но если есть «внутренняя» информация от родственников его будущей жены — значит, не ошибёшься.

Что ж, красиво подорзумн, и требую объяснений...

...

После ужина Нин Вэйфэну позвонила мама: «Сынок, в доме завелись термиты, нужно травить, жить нельзя. Так что несколько дней поищи себе жильё сам». Не успел Нин Вэйфэн и рта

раскрыть, как на том конце провода быстро отключились.

Нин Вэйфэн: ...

Он повернулся к Се Ханчи, который так же с невинным видом прислушивался: «А что сказала твоя мам?»

Се Ханчи вздохнул: «Моя мам... сказала, что они с отцом уехали гулять на пару дней и забыли оставить мне ключи. Так что сам как-нибудь устривайся».

Нин Вэйфэн: ...

Обе мамы, кажется, очень старались свести их вместе.

Се Ханчи изо всех сил старался подавить неподобающие мысли, но не мог скрыть ожидания в своих глазах. С некоторой неверностью он смотрел на Нин Вэйфэна: «Как скажешь? Останешься или... Я обещаю вести благородно, думаю, я заслужил твоего дворянина».

По его тону стало понятно, к чему склонялся Се Ханчи. Но Нин Вэйфэн всё же встал и сказал: «Я найм другую комнату». У него же есть деньги.

С Ханчи всё пошло — Нин Вэйфэн его любуется и т.

Искренняя любовь заставляет использовать любую возможность, чтобы оказаться рядом и не упустить шанса.

Се Ханчи внезапно обнял Нин Вэйфэна сзади: «Сядь со мной...»

Сердце его словно сдавила огромная рука, дыхание стало тяжёлым, но он не хотел сдаваться: «Умом я понимаю, что чувства не прикажешь. Но я всё ещё надеюсь... А вдруг? Вдруг мне повезёт хоть на тысячу? Я прошу только об одном... дай нам шанс. Что может быть хуже?»

Нин Вэйфэн тоже не знал, что может быть хуже. Сейчас и так было достаточно хорошо: «Ах, я не могу тебе этого обещать. Ты — мой лучший, самый дорогой друг. Я боюсь... что мы перестанем быть даже друзьями».

Се Ханчи больше не мог сдерживаться. Уткнувшись лицом в шею Нин Вэйфэна, чтобы тот не видел слёз в его глазах, он охрипшим, срывающимся голосом произнёс: «Я обещаю... я обещаю, что, к какой бы ни был исход, я не буду роптать!»

Нин Вэйфэн: ...» — глубокий вздохнул о нём.

Он знал, что Се Ханчю любит его и ради этого готов с собой уничтожиться, но это по какой-то причине застыло в сердце Нин Вэйфэна сжиматься от боли. С ним не служил такого ...

Чжичжи остожно вытаращила и под лоточек огромные глаза: «Раз бы и, чих, мда, не равнодушна. Не поймаешь, я говорила про «бить до конца»? Ре-аль-но, стоит опробовать».

Нин Вэйфэн: ...

«Отпишись!»

...

В конечном итоге Нин Вэйфэн не стал снимать другую комнату. И не потому, что послушался дурацкого совета Чжичжи. А потому, что летом в горах было очень много туристов, и все номера рядом бы были забиты до отказа. Ту квартиру, которую снял Се Ханчю, он достал только благодаря связям, попросив съёмщика.

«О, саванна здесь! Как раз две комнаты». — предложил Се Ханчю.

Нин Вэйфэну пришлось согласиться, понимая, что это была предусмотрительность Се Ханчю. Две комнаты — один или два входа? Можно и нападать, и обороняться; и отступить, и наступать.

Такая предусмотрительность несколько не раздражала, а только заставляла Нин Вэйфэна ещё больше сожалеть, что с ним так непросто.

...

Се Ханчю, бесспорно, был благородным и порядочным человеком. Опасаясь, что Нин Вэйфэн будет чувствовать себя неловко, он сказал, что выйдет купить кое-какие мелочи и оставил его одного. Нин Вэйфэн, пользуясь моментом, пошёл в ванну, пока Ханчю не обсадут, потому что в его присутствии он бы чувствовал себя скованно.

«Ну ты и смелый. Вообще не боишься, что в одной комнате ночью Ачи нападет на тебя? Он, может, за провинцию и вышел». — заметила Чжичжи.

«...» — Нин Вэйфэн был просто бессильно перед тем, как быстро и внезапно она развратилась.

«Се Ханчю не такой человек».

«Поэтому, раз ты знаешь, что Ачи такой хороший, неужели ты не дашь ему шанс? Попробуй. Расслабься. Всё равно — пусть ляжет, разведи ноги, а крылья за — и дло с концом».

«Почему это я должен лежать и разводить ноги? Я тоже мужчина, у меня есть всё то же самое, ясно?»

«Так заберись на его верх. Ачи ведь так тебя любит, он на всё согласится», — продолжала Чжижжи.

Нин Вэйфэн ещё даже не расстёгнул пуговицы, как всё его тело покрылось гусиной кожей: «Правда не могу. Мой «синдром отвращения» сразу же включится. Тогда тело начнёт отталкиваться от него, я раню его сердце, всё будет неловко, и тогда как мы разойтёмся»

«Просто переспать» — это оно легко говорить, но Нин Вэйфэну было крайне трудно на это решиться. К тому же, как потом остаться яруши? Поэтому Нин Вэйфэн не мог дать Се Ханьчи шанс, даже если тот сказал «не буду роптать».

Чжижжи продолжила: «Тогда, в тот момент, ты мог бы подумать о своём Воине...»

Одновременно мысль об этом существе, бляющем ярче звёзд Галактики, заставляла Нин Вэйфэна «взметтись духом».

Но!

Нин Вэйфэн холодно ответил: «Думать в таком моменте о другом мужчине — оскорбление и для меня, и для Ачи».

«Ну и. Я не понимаю ваших человеческих правил. В той жизни ты не раз подвергался воздействию разных возбуждающих веществ. Ощущения, когда некуда было выбросить энергию, когда ты только тпел и дёсходил с ума от страстей, запечлелись в памяти». — Чжижжи притворно застенчиво прикрыла ладонью лицо, но глаза её восторженно блестели. «Я могу найти соответствующие нейронные узлы и стимулировать их, имитируя то ощущение. Гарантирую, за одну ночь ты выплеснешь столетний запас. И захочешь ещё. И не сможешь остановиться».

«...»

И что это она такое увидела в его воспоминаниях?

«Хотим мы и разные виды, но думаю, что об этом... 'этом' нам лучше не дискутировать».

«Да ладно тебе. Мне уже десять тысяч лет. По любым меркам я уже не ребёнок». — Чжижжи не останавливалась. «Так хочешь попробовать?»